

Веч. клуб. - 1995. - 26 дек. - с. 8

Золотая кассета Дмитрия Сухарева

ЕЛЬ МОЯ, ЕЛЬ — УХОДЯЩИЙ ОЛЕНЬ

Ну вот и кончается 95-й. Спасибо ему, как говорится, за все хорошее. Не только же чеченской войной был он отмечен. Было, бывало и светлое у каждого из нас.

Для меня событием стала поездка на Праздник поэзии и авторской песни в поселок Тавда. "Что еще за Тавда? — удивляются знакомые. — На праздник поэзии полагаются ездить в Македонию, на Охридское озеро. Там место настоящему поэту. И где это — Тавда?" "А это, — отвечаю, — за Уралом. Долететь до Тюмени, дальше уже недалеко — километров сто двадцать по шоссе на север." "Но почему вдруг — там?" "А так, — отвечаю. — Просто там хорошо. Извините."

Заодно и в Сибири побывал. Впервые в жизни.

Впервые было в минувшем году и то, что я ездил за границу не как ученый муж, а как стихотворец, приглашенный любителями бардовской песни. Такого со мной еще не случалось. Их, бывших соотечественников, стало в дальнем зарубежье так много, что порою оторвать берет.

Вот сценка. Выступаем. Зал полный, лица хорошие, слушают нормально. Записки тоже нормальные. Объявляется антракт. К микрофону подходит бородастый малый и кричит: "Внимание, члены КСП, прослушайте объявление!.." Вроде бы ничего особенного — все, как где-нибудь в Челябинске или Казани. Но полный текст такой: "Внимание, члены КСП земли Северный Рейн — Вестфалия, прослушайте объявление!"

Сюр какой-то. Я рассказываю потом в Москве дочери об этом эпизоде, а она: "Ну почему — сюр? Нормально." Другое поколение — другое понимание норм обыденной жизни.

Короче, Новый год на носу.

Что будем петь за праздничным столом? "В лесу родилась елочка"? Почему же нет? Нормальная самодельная песня, авторство которой уже давно никого не интересует, как это порой случается с песнями современных бардов.

В Ульсе теплые дожди

По крышам шелестят.

Подруга, ты меня не жди,

Я не вернусь назад.

Стакан зажат в моей руке,

Изломан песней рот, —

Мы в придорожном кабачке

Встречаем Новый год.

Мой нос багров, я пью

здоров,

И ты меня не тронь.

Под бубна рев по связке дров

Пустился в пляс огонь.

Мы собрались здесь належке

Без горя и забот, —

Мы в придорожном кабачке

Встречем Новый год...

Старая добрая песня на стихи Александра Городницкого — одна из первых в творчестве Сергея Никитина. Ее занес когда-то в мир никитинский квартет физфака МГУ.

А вот известная песенка, сочиненная местным учителем для местной же детворы. Тихий океан, полуостров Камчатка, поселок Анапка, год 1960-й, учителя зовут Юлий Черсанович Ким.

На полянке, на лужайке,

Где одни снега,

Пляшут белки, пляшут зайки,

А кругом тайга.

Не до них сегодня волку,

Не до них лисе:

Сегодня, сегодня,

Сегодня пляшут все!..

Богат выбор песен про снег. Их разом и не вспомнить. Все же назову одну — уж очень ушам моим сладко слушать, как Васильев и Иващенко поют свою пленительную вариацию на тему "Буря мглою небо кроет".

То рыдает, то хохочет,

То на кухню к нам тайком

Просочится ветер хочет,

Притворяясь сквозняком.

Снег упал на всю округу,

За окном темным-темно.

Мы, не глядя друг на друга,

Пьем шипучее вино...

А в "Золотую кассету"

включу-ка я сегодня классику.

Подобно некоторым другим

песням Булата Окуджавы, эта, не во вред своему

обаянию, содержит тайну,

постичь которую нам не дано.

Синяя корона, малиновый

ствол,

звяканье шипшек зеленых.

где-то по комнатам ветер

прошел:

там поздравляли

влюбленных.

Где-то он старые струны

задел —

тянется их переключка...

Вот и январь накатил-налетел,

бешеный, как электричка.

Мы в пух и прах наряжали

тебя,

мы тебе верно служили,

громко в картонные трубы

труба,

словно на подвиг спешили.

Даже поверилось где-то

на миг

(знать, в простодушие

сердечном):

женщины той очарованный

лик

слит с твоим праздничным

вечным.

В миг расставания, в час

платежа,

в день увядания недели

чем это стала ты нехороша?

Что они все, одурели?!

И утонченные, как соловьи,

гордые, как гренадеры,

что же надежные руки свои

прячут твои кавалеры?

Нет бы собраться им — время

уять,

нет бы им всем —

расстараться...

Но начинают колеса стучать:

как тяжело расставаться!

Но начинается вновь суета.

Время по-своему судит.

И, как Христа, тебя сняли

с креста,

и воскресенья не будет.

Ель моя, Ель — уходящий

олень,

зря ты, наверно, старалась:

женщины той осторожная тень

в хвосте твоей затерялась!

Ель моя, Ель, словно

Спас-на-Кресте,

твой силуэт отдаленный,

будто бы след удивленной

любви,

всплывшей, неутоленной.